

Серия «Шедевры фантастики»

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

КОНАН-ВАРВАР ЧАС ДРАКОНА

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2022

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Сое)-31

КТК 6521

Г57

Говард, Роберт Ирвин.

Г57 Конан-варвар. Час Дракона : роман, рассказы и повести / Роберт Ирвин Говард; пер. с англ. М. Семеновой. — Ростов н/Д : Феникс, 2022. — 405 с. : ил. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-222-36788-9

В сборник признанного мастера фэнтези Роберта Говарда вошли произведения о самом популярном из его героев — Конане-варваре, давно ставшие классикой боевой фантастики. Меч против колдовства, человек против потусторонних демонических сил — основная тема книги.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Сое)-31

ISBN 978-5-222-36788-9

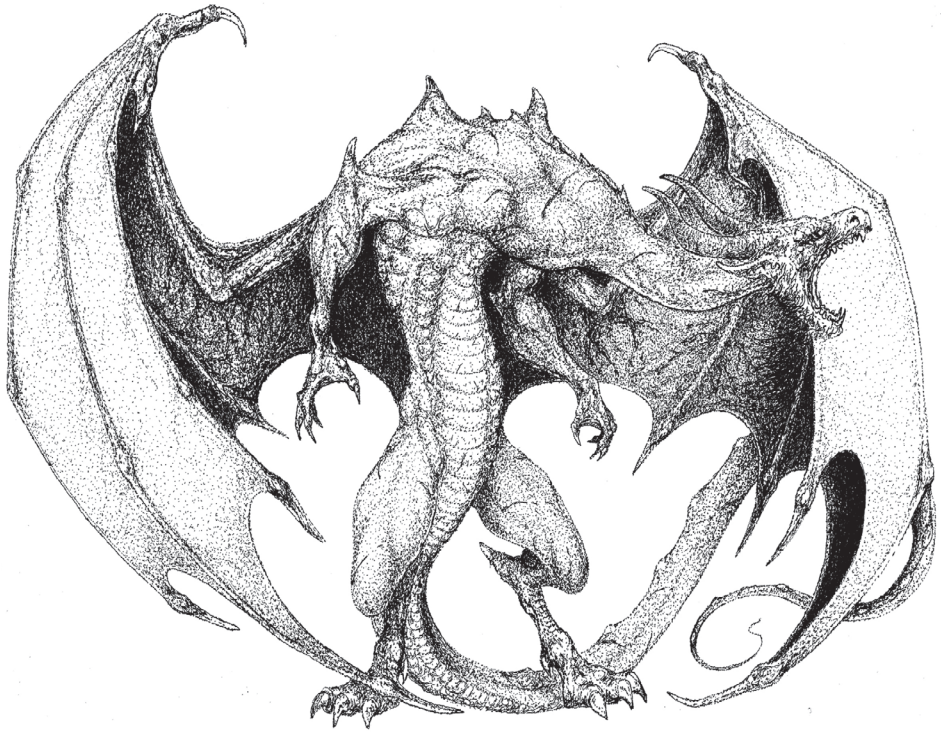
© Оформление: ООО «Феникс», 2021

© Перевод М. Семеновой

© В оформлении книги

использованы иллюстрации

по лицензии Shutterstock.com

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

Знай же, о принц, что прежде тех лет, когда океан поглотил Атлантиду и захлестнула блистающие города, прежде тех лет, когда сынам ариев было суждено возвыситься, была еще эпоха, чье величие превосходило самое смелое воображение. Эпоха славных королевств, распростершихся под звездами на лике земли, словно затканые золотом плащи, — Немедия, Офир, Бритуния, Гиперборея... Замора, страна темноволосых красавиц и таинственных башен, полных призраков и паутины. Рыцарственная Зингара. Коф, граничивший с пастушеским Шемом. Стигия с ее жуткими призраками, стерегущими спокойствие древних гробниц. Гиркания, чьи всадники укрывали стальной броней золото и шелка... Однако истинной жемчужиной этого мира была держава, сверкавшая в самом сердце Запада, странакоролева, гордая Аквилония. В эту-то легендарную страну и явился однажды Конан из Киммерии, черноволосый варвар с угрюмым и грозным взглядом синих глаз, вор, разбойник, убийца, человек не средних деяний и великих страстей. Явился и ногой в пыльной сандалиии поправ самцветные троны земных королей...

Немедийские хроники

I

Было тихо. Глубокая и зловещая тьма, какая бывает только перед рассветом, окутала сумрачные шпили и великолепные башни... Смуглая рука осторожно приотворила дверь, выпуская людей с покрытыми лицами в темный переулок — один из множества, составлявшего

в этой части города запутанный лабиринт. Завернувшись в плащи, четверо торопливо и молча растворились в крошечном уличном мраке. Казалось, это были не существа из плоти и крови, а призраки давно умерщвленных...

Позади них в проеме двери можно было рассмотреть лицо, искаженное язвительной усмешкой, и глаза, недобро поблескивавшие в полутьме.

— Ступайте же в ночь, порождения ночи, — пробормотал голос, полный издевки. — О глупцы, ваш рок мчится по вашим следам, точно слепая ищейка... а вы даже не догадываетесь об этом!

Говоривший прикрыл дверь и запер ее на засов, после чего повернулся и зашагал прочь по коридору, неся в руке свечу. Это был угрюмый гигант, чья смуглая кожа выдавала его стигийскую кровь. Вскоре он добрался до внутреннего покоя, где, раскинувшись, точно ленивый кот, на шелковой тахте, потягивал из золотой чаши вино рослый худой человек.

— Что ж, Аскаланте, твои недоумки разбежались по улицам, точно крысы из норы, — ставя свечу, сказал ему стигиец. — Странными, однако, орудиями ты пользуешься...

— Орудиями? — отозвался Аскаланте. — А ведь это они меня считают своим орудием, вот что забавно... Уже четыре месяца, с тех пор как Четверо Мятежных призвали меня из южных пустынь, я обитаю в самой гуще моих врагов, целыми днями скрываясь в этой дыре, а ночами скитаясь во тьме проулков и коридоров... И я добился того, чего никак не могли достичь эти знатные бунтовщики. Используя их, равно как и еще многих, большинство из которых даже лица моего не видали, я отравил самый воздух империи гленом соблазна и беспокойства. Оставаясь в тени, я полностью подготовил падение короля... Во имя Митры! Не зря же я был царедворцем до того, как меня объявили вне закона!

— А эти глупцы, что считают себя твоими хозяевами?

— Да пусть их считают, будто я им служу... пока. Вот исполним задуманное, тогда и посмотрим. Кто они, чтобы тягаться умом с Аскаланте? Вольмана, этот коротышка, граф Карабанский; гигант Громель, предводитель Черного Легиона; Дион, разжиревший барон Атталусский... я уже молчу про менестреля Ринальдо, обладателя куриных мозгов. Я, именно я обнаружил в каждом из них стальную жилу и сплавил все четыре в одну. Но прочее в них — хрупкая глина, и я же ее сокрошу, когда придет час. Однако пока до этого далеко... Сегодня еще до рассвета настанет время умереть королю!

— Несколько дней назад я видел, как имперские отряды отбывали из города, — заметил стигиец.

— Они отправились на рубежи, где забеспокоились язычники-пикты... впавшие в боевое неистовство от крепкого вина, которое опять-таки я тайно переправил к ним через границу. Вот где нам пригодились несметные богатства Диона! Ну а Вольмана устроил так, чтобы нам не помешали остатки имперских войск, пребывающие в городе. Мы также обратились к его знатым родственникам в Немедии, и в итоге король Нума вызвал к себе графа Троцери Пуантенского, сенешаля Аквилонии. Конечно же, такого важного вельможу, как Троцери, помимо его собственного войска сопровождает имперский вооруженный эскорт, а с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Таким образом, король остался только с личными телохранителями и Черным Легионом. Ну а тут уж Громель помог мне подыскать среди стражи корыстолюбивого старшину, который польстился на взятку и обещал в полночь увести своих людей от двери королевской опочивальни... Вот туда-то мы и явимся тайным подземным ходом во главе полутора дюжин отпетых и отчаянных головорезов. А когда дело будет сделано... даже если народ и не выбежит приветствовать нас — Громель с Черным Легионом удержит город в повиновении и сохранит нам корону!

— Которая, как полагает Дион, будет ему вручена...

— Именно. Жирный болван претендует на царство, полагая, что для этого достаточно той капельки королевской крови, которая течет у него в жилах. Воистину Конан совершил большую ошибку, оставив в живых потомков низвергнутой династии!.. Двое других также надеются поправить свои дела.

Вольмана желает быть обласканным при дворе, как в прежние времена, и вернуть былую роскошь своим разоренным имениям. Громель ненавидит Паллантида, предводителя Черных Драконов. Со всем упрямством, присущим его народу, этот боссонец жаждет принять верховное главнокомандование... И только Ринальдо не преследует никаких личных целей. Конан для него — варвар в грязных сапогах и с замаранными кровью руками, что явился с дикого Севера завоевать и ограбить цивилизованную страну. Наш поэт всю идеализирует прежнего короля, которого Конан убил за корону. Ринальдо успел позабыть, что в свое время тот не очень-то покровительствовал свободным искусствам и, если уж на то пошло, совершил за время своего правления немало отвратительных зол... Его стихи должным образом настраивают людей. На

улицах в открытую распевают «Плач по королю», в котором Ринальдо на все лады восхваляет убиенного венценосца — порядочного, между нами говоря, мерзавца — и предает поношению Конана, «этого черно-волосого дикаря, порождение бездны». Самого Конана, как я слышал, немало насмешила упомянутая баллада, но в народе у многих сжимаются кулаки...

— А за что Ринальдо так невзлюбил Конана?

— Видишь ли, люди склонны ненавидеть тех, кто при власти. Они мечтают о совершенном правителе и видят свой идеал либо в прежнем монархе, либо же в будущем — но только не в том, который нынче на троне. Видения завтрашнего и вчерашнего дня начисто заслоняют для них настоящее... Вот из таких мечтателей и наш Ринальдо — он просто-таки пылает идеализмом, полагая к тому же, что ему суждено низвергнуть тирана и принести людям свободу. Что же до меня... Всего лишь несколько месяцев назад я собирался до конца дней своих грабить караваны в пустыне и ни о чем большем даже не помышляя, но теперь я позволил пробудиться былым мечтам. Пусть умрет Конан, а на трон воссядет Дион. Настанет и ему час умереть... а за ним и прочим, кто осмелится противиться мне. От огня ли, от стального клинка, от одного из тех отравленных вин, что ты так мастерски варишь... И тогда... «Аскаланте, король Аквилонии»! Неплохо звучит, а?

Стигиец пожал широкими плечами.

— Было время, — проговорил он с нескрываемой горечью, — когда и я лелеял честолюбивые замыслы, против которых твои суть мишура и детские игры. И до чего в итоге я докатился!.. Мои прежние союзники и соперники, с которыми я спорил на равных, не поверили бы собственным глазам, доведись им увидеть, как Тот-Амон, хозяин Кольца, прислуживает рабу чужеземца, к тому же объявленному вне закона, как он участвует в мелких сварах баронов и королей!..

— Нечего было делать ставку на магию и всякие там ритуалы, — отмахнулся Аскаланте. — Я вот предпочитаю полагаться на свой ум и на свой меч!

— Любой ум, любой меч — что солома на ветру перед мудростью и могуществом Тьмы, — проворчал стигиец сквозь зубы, и в его глазах угрожающе заметались искры и тени. — Еще кто из нас служил бы другому, не утрать я Кольцо!

— Как бы то ни было, — раздраженно отозвался вельможный разбойник, — покамест ты носишь на спине отметины моего кнута, и так будет продолжаться и впредь!

— Какая непоколебимая уверенность... — Ненависть на мгновение зажгла глаза стигийца красным огнем преисподней. — Рано или поздно, так или иначе, а Кольцо я себе непременно верну. И тогда, клянусь змеиными клыками Сета, ты мне заплатишь...

Горячий нрав аквилонца заставил его вскочить и вклепить стигийцу затрещину. Тот-Амон отшатнулся, на разбитых губах выступила кровь.

— Больно уж осмелел ты, собака! — прорычал Аскаланте. — Остерегись! Покамест я твой хозяин, и не забывай, что мне известна твоя неприглядная тайна!.. А теперь, если осмелишься, можешь хоть с крыши кричать, что Аскаланте вернулся в город и плетет заговор против короля! Ну?

— Я не смею... — утирая расквашенный рот, пробормотал стигиец.

— Конечно не смеешь, — Аскаланте ощерился в холодной улыбке. — Ибо, умри я от твоей хитрости или предательства, об этом немедленно прознает святой отшельник в южной пустыне. Тогда он сломает печать и прочтет свиток, который я оставил ему. Прочтет и скажет слово, и, произнесенное шепотом в Стигии, оно дотянется сюда полночным ветерком с юга... Сумеешь ли ты спрятаться от него, а, Тот-Амон?

Невольник содрогнулся, смуглое лицо точно подернулось пеплом.

— Довольно! — Высокомерный хозяин резко сменил тон. — У меня есть для тебя поручение. Я не доверяю Диону... Я велел ему ехать в его загородное имение и оставаться там до завершения сегодняшней ночной вылазки. Этот жирный дурак все равно выдаст бы себя с головой, оказавшись в присутствии короля... Так вот. Отправляйся за ним и, если не догонишь его по дороге, езжай прямо в имение и оставайся с Дионом, пока мы за ним не пошлем. Да смотри глаз с него не спускай! Кто его знает, что он способен натворить с перепугу! С него станется прискакать во дворец, броситься Конану в ноги и всех заложить, лишь бы шкуру свою спасти... Ну, ступай!

Раб поклонился, старательно пряча горящие ненавистью глаза, и вышел за дверь.

Аскаланте вернулся к своему кубку с вином. Над золочеными шпильями занимался кроваво-красный рассвет...

II

Гремел победный барабан, старались трубачи.
 Цветы и золото к ногам моим метал народ.
 И вот корону я надел, и тот же самый сброд
 Острил отравленный кинжал для мятежа в ночи.

Дорога Королей

Просторный чертог был богато разубран. На полированных стенах — прекрасные занавеси, на отделанном слоновой костью полу — пышные ковры, высокий потолок — сплошь в резьбе и серебряных завитках. Письменный стол и тот был сущим произведением искусства — слоновая кость, инкрустированная золотом... За этим столом сидел человек, чьи широченные плечи и прокаленная солнцем кожа решительно не вязались с окружающим великолепием. Какие-нибудь продутые всеми ветрами дикие пустоши — вот где ему поистине было бы самое место. В малейших движениях этого человека угадывалась мощь пружинно-стальных мышц, помноженная на острый ум и собранность воина. Внимательный взгляд отметил бы ненаигранность его повадки; этому не научишься, с этим надо родиться. Если уж он хранил неподвижность, его можно было спутать с бронзовой статуей. А если двигался, то не дергаными рывками, говорящими о взвинченности, но с этакой обманчивой кошачьей неторопливостью, за которой на самом деле не успевает уследить глаз...

Одевание на нем было из роскошной ткани, но очень простого покроя. На руках — ни перстней, ни иных украшений, густая черная грива подстрижена над бровями и стянута повязкой из серебряной парчи.

Вот он отложил золотую палочку для письма, которой усердно царапал по навощенному папирусу, подпер кулаком подбородок и устремил мерцающий внутренней энергией взгляд синих глаз на стоявшего перед ним человека.

Этот последний в данный момент занимался своими делами: поправлял шнуровку отделанного золотом доспеха, рассеянно насвистывая потихоньку.

Такое вот поведение в присутствии короля.

— Ну и каторга эти государственные дела! — сказал человек за столом. — Честно, Просперо, я ни в одной битве так не выматывался, как теперь!

— За все надо платить, Конан, — отозвался темноглазый пуантенец. — Заделался королем, изволь теперь попотеть!

— С какой радостью я бы отправился с тобой сегодня в Немедию, — вздохнул Конан завистливо. — Уже тыщу лет в седле не сидел. Да вот Публий, прах его побери, знай твердит, что мне сейчас из города лучше не отлучаться. Вечно дел невпроворот... — И пожаловался с дружеской откровенностью, которая водилась между ним и Просперо: — Когда я свергал прежнюю династию, мне казалось — уф, все беды и все труды позади, теперь заживем! А сейчас оглядываюсь назад, и тогдашние погоны и заварухи уже кажутся легкой прогулкой...

Знаешь, Просперо, я ведь никогда не загадывал, что будет потом. Когда король Нумедидес пал мертвым к моим ногам, когда я сорвал с него окровавленную корону и надел ее сам, мне казалось — все, достиг! Вот она, вершина!.. Я готовил себя к захвату власти, но не к тому, чтобы ее удержать... Где они теперь, те славные деньки веселой свободы, когда мне всего-то нужен был острый меч и прямая дорога, чтобы доскакать по ней до врагов! Теперь вот ни одной прямой тропки, все сплошь запутанные и кривые, а мой меч — тот большей частью вообще бесполезен... Когда я скинул Нумедидеса, меня называли Освободителем. Сегодня те же самые люди повадились плевать мне вслед, зато статую убиенного короля, этого сукина сына, поставили в храме Митры и падают перед ней ниц. Она для них икона святого самодержца, с которым расправился кровавый зверь-варвар. Когда я был наемником и вел аквилонскую армию от победы к победе, эту страну меньше всего заботило мое иноземное происхождение. А теперь мне его не могут простить! Люди, которых калечили и ослепляли палачи Нумедидеса, спешат в храм Митры возжигать благовония в его честь. Люди, чьи сыновья умерли в его застенках, чьих жен и дочерей силком тащили в его сераль... Хоть смейся, хоть плачь!

— За это в первую голову надо благодарить Ринальдо, — подтягивая еще на дырочку пояс с мечом, заметил Просперо. — Он слагает песни, от которых люди положительно сходят с ума. Взять бы да вздернуть проходимца на самую высокую городскую башню, пусть бы радовал своими виршами стервятников!

— Нет, Просперо, — покачал головой Конан. — Для меня он неприкосновенен. Даровитый поэт главнее самого великого короля... В его песнях больше могущества, чем в моем скипетре. Однажды ему вздумалось спеть для меня, и он похитил сердце из моей груди. Когда умру, меня

похоронят и позабудут, а песни Ринальдо переживут века. Нет, Просперо... — продолжал король, и тень обеспокоенности притушила синий огонь его глаз. — Все не так просто. Есть что-то еще... какая-то темная подоплека, которую мы ощущаем, но не можем внятно истолковать... Я ее нутром чую, как мальчишкой чувствовал присутствие тигра, затаившегося в высокой траве! По стране точно какой-то дух бесплотный гуляет, сея непонятную смуту... Знаешь, на что это похоже? Представь, ты охотник в лесу, сидящий ночью у крохотного костерка. Ты слышишь в чаще мягкие-мягкие крадущиеся шаги, ты почти наяву видишь, как поблескивают чьи-то глаза... Вот бы заставить это таящееся нечто себя проявить, вот бы схлестнуться с ним в открытом бою да располосовать гадину добрым мечом!.. Говорю тебе, Просперо: пикты совсем не случайно начали до того яростно нападать на наши границы, что боссонцы на что уж крепкие ребята, а запросили о помощи. Эх, ну почему мне не дали туда с войском уехать...

— Публий заподозрил заговор с целью убить тебя на границе, — невозмутимо ответил Просперо, разглаживая поверх сверкающей брони шелковую накидку и любуясь собой — рослым, гибким — в серебряном зеркале. — Вот он и уговорил тебя остаться в столице. Ты, Конан, все не отучишься идти на поводу у своих варварских инстинктов. Если народ чем-то недоволен, ну и что нам с того? За нас и наши наемники, и Черные Драконы... да что там, у нас в Пуантене последний босяк и тот клянется твоим именем! Тебе остается опасаться только тайных убийц, а откуда им тут взяться? Тебя день и ночь охраняют имперские войска... Кстати, над чем ты там трудишься?

— Карту рисую, — ответил Конан с гордостью. — На тех картах, что имеются при дворе, неплохо показаны страны юга, запада и востока, но что касается севера, всюду либо белые пятна, либо такая чушь, что тошно смотреть... Вот я северной частью и занимаюсь. Смотри, здесь моя родная Киммерия. А здесь...

— Асгард и Ванахейм, — присмотрелся к карте Просперо. — Во имя Митры! До сего дня я склонен был полагать, что это выдуманные, баснословные страны!

Конан вдохновенно и яростно усмехнулся, тронув пальцем шрамы, рассекавшие смуглую кожу у него на лице.

— Проведи ты всю юность на северных границах Киммерии, ты бы так не считал! Асгард от нас аккурат к северу, а Ванахейм — к северо-востоку, и мира на наших рубежах отродясь не бывало...

— Ну и что они за люди, эти северяне? — заинтересованно спросил Просперо.

— Рослые, светловолосые, голубоглазые... Они поклоняются Имиру, ледяному великану, и каждое племя подчинено собственному королю. Что асы, что ваны несговорчивы и очень воинственны. Готовы драться день напролет, после чего всю ночь до утра глушить эль и орать свои дикарские песни...

— Значит, ты сам вроде них, — расхохотался Просперо. — Кто еще у нас охотник до крепкой выпивки, доброй шутки и молодецкой песни, если не ты? Нет, правда, сколько знал киммерийцев — пьют только воду, смеются раз в год по великому празднику, а что до пения — как затают какой-нибудь погребальный плач, аж уши вянут...

— Может быть, все дело в нашей стране, — ответил король. — Я в целом свете не видал более сумрачных мест. Сплошные холмы, темный лес, вечно серое небо... Холодный ветер, горестно стонущий по долинам...

— Да уж, родина угрюмых людей, — передернул плечами Просперо. Перед глазами у него так и поднялись залитые солнцем, увитые голубыми лентами рек равнины милого Пуантена — самой южной провинции Аквилонии.

— Нашим людям особо не на что надеяться ни в этом мире, ни в загробном, — задумчиво продолжал король. — Мы поклоняемся Крому и его темному сонму, чье царство мертвых — страна без солнца, затянутая вечным туманом. Ох, Митра! Образ жизни асов всегда был мне как-то духовно ближе...

— Ну что ж, — улыбнулся Просперо. — По счастью, ты оставил унылые холмы Киммерии далеко позади... Ладно, Конан, мне пора ехать. Обещаю поднять за тебя добрый кубок немедийского белого при дворе короля Нумы...

— Добро, — кивнул король. — Только смотри не вздумай от моего имени целовать танцовщиц Нумы, а то еще международный скандал мне там наживешь!..

Раскатистый хохот короля долго провожал Просперо по дворцовому коридору...

III

В подвалах мрачных пирамид великий дремлет Сет.
Его таинственных жрецов во тьме проложен след.
Я молвлю Слово вдалеке от солнца и огней:
Пришли для мести мне слугу, могучий древний Змей!

Дорога Королей

Солнце уходило с небес, облекая сине-зеленые лесные горизонты кратковременным золотом. Умиравший свет дня переливался на звеньях толстой золотой цепи, которую Дион Атталусский то и дело тербил пухлой рукой, сидя посреди неистово цветущего сада. Ерзя обширным седалищем по мраморной скамье, Дион пугливо озирался, ни дать ни взять опасаясь внезапного нападения. Скамью обрамлял правильный круг стройных деревьев, чьи ветви сплетались над головой вельможи в густой полог. Неподалеку серебряным колокольчиком звенел фонтан, ему согласным хором отзывались другие фонтаны, разбросанные по саду.

Дион был здесь один — если не считать исполинского темного силуэта на ближней скамье. Оттуда за бароном внимательно наблюдали темные поблескивающие глаза. Дион, впрочем, меньше всего думал про Тот-Амона. Еще не хватало ему обращать внимание на какого-то там раба, которому оказывал необъяснимое доверие Аскаланте!.. Дион, как многие знатные богачи, был совсем не склонен лишний раз замечать тех, кто стоял ниже его.

— Не стоит так волноваться, — проговорил между тем Тот-Амон. — Заговор просто не может потерпеть неудачу.

— Аскаланте всего лишь человек, и он мог ошибиться! — отрезал Дион. При одной мысли о поражении его бросило в пот.

— Нет уж, только не он, — зло усмехнулся стигиец. — В ином случае я был бы его хозяином, а не рабом!..

— Это еще что за речи? — спесиво перебил Дион, не придавая, впрочем, особого значения их разговору.

Глаза Тот-Амона нехорошо сузились... Какой бы железной ни была его выдержка, сейчас он был близок к тому, чтобы взорваться. Слишком долго ему пришлось скручивать в душе чудовищный стыд, ярость и ненависть, слишком долго он ждал хоть какого-нибудь шанса восстать. Где ж тут было учесть то обстоятельство, что Дион в упор не признавал в нем человеческое существо, наделенное умом и достоинством. Для барона

Тот-Амон был всего лишь безликий раб, не стоивший почти никакого внимания.

— Послушай меня, — сказал ему стигиец. — Очень скоро ты взойдешь на престол. Но ты понятия не имеешь, что представляет собой Аскаланте! Не вздумай ему доверять, когда падет Конан! Я же способен помочь тебе. И помогу, если, придя к власти, ты меня защитишь.

Слушай же, мой повелитель. Когда-то я жил на юге и был великим чародеем. Люди упоминали имя Тот-Амона наравне с именем Раммона... Мне оказывал немалые почести Ктесфон, король Стигии. Он прогнал от двора великое множество других магов и обласкал своей милостью меня одного. Соперники смертельно ненавидели меня, но и боялись, ибо я повелевал тварями с той стороны. Я вызывал их по своему хотению, и они были у меня на посылках. О Сет!.. Каждый вечер мои враги засыпали в страхе, зная, что посреди ночи их могут разбудить когти неведомого ужаса, сомкнувшиеся на горле!.. Я владел Змеиным Кольцом Сета и с его помощью творил темные и жуткие чудеса. Я обрел это Кольцо в незапамятно древней подземной гробнице, устроенной на глубине в целую лигу и забытой еще прежде, чем отдаленные предки людей покинули изначальное море.

К моему горю, некий вор похитил Кольцо и моему могуществу пришел конец. Маги, посрамленные мной, немедля восстали, желая моей смерти, и я вынужден был бежать. Переодевшись погонщиком верблюдов, я странствовал с караваном в стране Коф, когда на нас напали грабители Аскаланте. Они убили всех, кроме меня. Я спас свою жизнь, открывшись Аскаланте и покаявшись ему служить... Но какой же горькой для меня оказалась эта служба!

Чтобы еще крепче связать меня, он все изложил на пергаменте и отдал запечатанный свиток отшельнику, обитающему в южном Кофе. Поэтому я и не дерзаю ни заколоть его кинжалом во сне, ни выдать врагам. Ибо в случае его смерти отшельник сломает печать и все прочтет, как наказывал ему Аскаланте. Он отправится в Стигию и скажет там слово... — И вновь Тот-Амон содрогнулся, и пепельная бледность залила смуглые щеки. — Никто в Аквилонии не знает, кто я такой, — продолжал он. — Но стоит моим врагам-стигийцам только прознать, где я нахожусь, и даже расстояние в половину населенного мира не спасет меня от заклятия, способного вдребезги разнести сердце бронзовой статуи... Защитить меня способен только король, властитель замков и меченосного войска... Видишь, я поведал тебе свою тайну, Дион, и готов заключить

с тобой соглашение. Моя мудрость сослужит тебе немалую службу, а ты можешь дать мне убежище. А когда рано или поздно я отыщу и вновь надену Кольцо...

— Кольцо? Какое еще кольцо?..

Тот-Амон недооценил полнейшее себялюбие собеседника. Дион, как выяснилось, его не слушал даже вполуха. А что ему занимать свой слух речами какого-то невольника? Он был слишком погружен в собственные мысли, его внимание привлекло лишь последнее слово.

— Кольцо?.. — повторил он. — Припоминаю что-то такое... Ах да, мое счастливое колечко! Ну как же, я прикупил его у одного шемитского вора — тот клялся, будто стырил его у какого-то южного колдуна, а посему оно должно приносить мне удачу... Митра свидетель, я втридорога заплатил негодяю! Клянусь всеми богами, сегодня удача мне требуется, как никогда. И дернуло же меня связаться в кровавые козни Вольманы и Аскаланте... Ну-ка, где мой перстенок?

Тот-Амон взвился, точно пружина, темная кровь бросилась ему в лицо, а глаза вспыхнули наконец-то прорвавшейся яростью и осознанием всей непомерной тупости напыщенного вельможи... Дион по-прежнему не обращал на раба никакого внимания. Сдвинув на мраморной скамье потайную крышечку, он принялся рыться в содержимом каменной ниши, перебирая варварские амулеты, кусочки заговоренных костей, какие-то аляповатые драгоценности... — все, что по трусости и суеверию собирал долгие годы.

— Ага, вот ты где! — И он с торжеством вытащил замысловатой формы перстень. Он был сделан из металла, похожего на медь: чешуйчатая змея свивалась тремя кольцами, держа во рту собственный хвост. В желтых камешках маленьких глаз дрожали злобные огоньки...

Тот-Амон вскрикнул, точно его пырнули ножом, и вот тут Дион, наконец оглянувшись на него, побелел от испуга. Глаза раба пылали страшным пламенем, рот скалился, длинные руки со скрюченными когтистыми пальцами тянулись вперед.

— Кольцо!.. — вскрикнул он пронзительно. — Во имя Сета, мое Кольцо!.. Мое украденное Кольцо!..

Сталь блеснула в его ладони, и одним движением смуглого плеча он вогнал кинжал по самую рукоять в жирное баронское брюхо. Дион тонко завизжал, его визг перешел в задушенное бульканье, и бесформенная туша осела наземь, оставшись лежать, точно груда подтаявшего масла. Несчастный глупец умер, успев испытать ни с чем не сравнимый ужас,

но так и не поняв почему. Тот-Амон отшвырнул обмякшее тело — прах, более не имевший никакого значения, — и обеими руками подхватил Кольцо. Глаза стигийца горели алчностью и сумасшедшим ликованием.

— Мое Кольцо!.. — прошептал он с наводящим ужас восторгом. — Мое могущество!..

...Он сам не знал, долго ли он вот так сидел на корточках, лелея в ладонях злобную металлическую змею и питая ее аурой свою темную душу. Наконец он встряхнулся, возвращаясь к реальности из ночных бездн, в путешествие по которым пустилась было его душа, и увидел, что луна успела подняться. Лунный свет разрисовал непроглядными тенями гладкую спинку мраморной скамьи, у подножия которой виднелось нечто темное, неподвижное — бывший государь Атталусский, несостоявшийся король Аквилонии.

— Вот так-то, Аскаланте... вот так-то... — прошептал стигиец, и его глаза блеснули во тьме двумя красными бликами, как у вампира.

Нагнувшись, он зачерпнул из растекшейся лужи пригоршню загустелой крови и стал втирать ее в голову металлической змеи, пока желтые блики не покрыла алая пленка.

— Отврати взор свой, о хранящая тайну змея, — нараспев произнес он вгоняющим в дрожь шепотом. — Отврати взор свой от света луны и отверзни очи свои для исподнего мрака! Что видишь ты там, о вещая змея Сета? Кого призываешь ты из пределов вечной Тьмы? Чья тень готова покрыть меркнувший Свет? Вызови его для меня, о змея!

Его пальцы тем временем исполняли странный танец, особым образом поглаживая металлические чешуйки. Танец, чей замысловатый ритм начинался и оканчивался в одном и том же месте. Голос стигийца звучал все тише, так что посторонний слух уже не мог бы разобрать ни зловещих имен, ни ужасающих заклинаний, давным-давно позабытых повсюду в мире, кроме отдаленнейших уголков Стигии, где в тиши старинных кладбищ чутко дремлют жуткие тени...

И вот наконец неподалеку в воздухе наметилось некое движение, что-то вроде завихрения, производимого подводными существами, поднимающимися к поверхности. Иномировой ветер повеял на Тот-Амона могильным холодом, как если бы где-то рядом открылась дверь в неизвестное. Стигиец ощутил присутствие у себя за спиной, но оглядываться не стал. Он упорно смотрел на залитую лунным сиянием стену из гладкого мрамора, где начала оформляться неясная тень. Под непрерывный шепот заклинателя тень принялась расти, становиться все отчетливее и

страшнее. Она чем-то напоминала гигантского бабуина, правда, таких бабуинов от сотворения мира не водилось нигде на земле, даже в Стигии. Тот-Амон по-прежнему не оглядывался. Вытащив из поясной сумки сандалию своего хозяина (хранимую в смутной надежде как раз на такое вот применение), он кинул ее себе за спину.

— Постигни же ее хорошенько, о раб Кольца! — воскликнул чародей. — Найди и уничтожь носившего ее! Взгляни ему в глаза и истреби его душу, прежде чем разорвать ему горло. Убей же его... — и в слепом порыве страсти Тот-Амон выкрикнул: — И всех, кто будет подле него!

Чудовищная тень, ясно видимая на мраморной стене, опустила голову, точно ищейка, готовая взять след... Кончив принюхиваться, жуткая тварь крутанулась — и пропала, только ветер прошумел в кронах деревьев.

Стигиец в невыразимом восторге потряс над головой вскинутыми руками, его зубы и белки глаз одинаково ярко белели в свете луны...

...Воин, стороживший городские укрепления, заорал от внезапного ужаса, когда невероятная тень с горящими глазами одним прыжком одолела стену и вихрем пронеслась мимо него, исчезнув в ночи. Все случилось до того быстро, что ошеломленный солдат так и остался гадать, не примерещилось ли ему...

IV

Когда человек совсем изнемог
 Во власти демонов злых,
 На Сета я поднял огонь и клинок
 И соки дерев святых.
 Сегодня в могиле покоюсь я,
 А мимо века спешат.
 Зыбыт ли я теми, от Змея чья
 Была спасена душа?..

Дорога Королей

В спальне короля Конана потолок был выполнен в виде высокого золотого купола, но спавшего под этим куполом сегодня донимали беспокойные сны. Он блуждал в вихрящихся серых туманах, сквозь которые до него доносился странный далекий зов. Зов был едва слышен, но Конан вскоре убедился, что не в его власти было выкинуть его из сознания. Вытащив на всякий случай меч, он двинулся сквозь туманы, как путешествующий по горам иной раз бредет сквозь облака. Голос, звавший

его, между тем делался яснее и громче, и спустя некоторое время Конан разобрал слово, произносимое вдалеке.

Кто-то взывал к нему сквозь бездны пространства и времени, произнося его собственное имя.

И вот туман начал мало-помалу редеть, и Конан обнаружил, что бредет по гигантскому темному коридору, вырубленному в сплошной толще черного камня. Освещения не было заметно, но некоторым чудесным образом Конан ясно различал окружающее. Гладкие стены, пол и потолок тускло мерцали, переливаясь силуэтами древних героев и полузабытых богов. Конан невольно содрогнулся, приметив громадные смутные облики Безымянных Древних Сил, и ощутил необъяснимую уверенность, что никто из смертных не проходил этим коридором очень-очень давно. Наверное, уже много веков.

Потом началась широкая лестница, вырубленная из того же черного камня, сплошь обрамленная могущественными знаками столь неопишуемой силы и древности, что у короля Конана мороз пробежал по спине, когда он к ним присмотрелся. А ступени — каждую из них — украшало изображение мерзостного Древнего Змея, Сета, так что идущий как бы попирает старинного Врага каждым своим шагом. Конан понял и оценил замысел зодчего, вот только легче от этого ему почему-то не стало.

А голос все звал и звал его вперед, сквозь тьму, которую наверняка не смогли бы пронизать его глаза, будь он здесь во плоти. И наконец Конан вступил в обширный подземный зал... чтобы увидеть там каменную гробницу и восседающую на ней смутно видимую седобородую фигуру. У Конана аж волосы шевельнулись, он невольно схватился за меч... Но тут старец заговорил с ним.

— Знаешь ли ты, человеке, кто я такой? — осведомился он замогильным голосом.

— Клянусь Кромом, понятия не имею! — ответил король.

— О человек, я — Эпимитрий.

— Но... — Конан даже заикаться начал от изумления, — но ведь Эпимитрий Мудрый... он, то есть ты... полторы тыщи лет уже как помер!

— Внемли же! — повелительно прозвучало в ответ. — Камешек, брошенный в темный пруд, отсылает волны бежать к невидимым берегам. Так и происходящее в Незримом Мире отозвалось волнами, постучавшимися в мой сон. Я давно присматриваюсь к тебе, Конан из Киммерии, и вижу печать избрничества на челе твоём, а в сердце — готовность к

великим делам. Однако тебе противостоят немалые силы, и против них твой меч не помощник...

— Хватит загадками говорить, дед, — проворчал Конан. Ему было не по себе. — Мне бы этих врагов только увидеть, я бы сразу им зубов поубавил...

— Прибереги свою варварскую ярость для тех недругов, которые из плоти и крови, — строго ответила тень. — Мое дело — защитить тебя вовсе не от людей. Знай же: есть миры, о которых едва догадываются смертные, и в этих мирах полным-полно неназываемых чудовищных тварей. Лишь злые колдуны способны выкликать из Внешних Бездн эти сущности, заставляя их обретать плоть, чтобы когтить и рвать тех, на кого им укажут. Знай же, о венценосец, — в твоём доме свила гнездо змея! Скользкая гадина, выползшая из теней Стигии и несущая в темной душе своей самую черную премудрость. Спящему, чей разум насто-роже, обязательно приснится змея, подкрававшаяся наяву, так и я ощутил опасное присутствие ученика Сета. Сейчас он упивается вернувшейся силой, он способен нанести удары, могущие поколебать твою державу, о Конан! Поэтому я и воззвал к тебе — воззвал, дабы вооружить тебя против стигийца и его демонической своры...

— Но почему?.. — недоумевая, спросил Конан. — Люди говорят, ты спишь в черном сердце Голамиры, откуда во дни великой нужды посылаешь свой крылатый дух на выручку Аквилонии... Но я же... Я — варвар, я чужестранец на аквилонском престоле...

— Умолкни! — Властный голос гулко отдался под сводами угрюмой пещеры. — Твоя судьба неотделима от судеб Аквилонии. Грядущее чревато великими событиями, и я не потерплю, чтобы кровожадный чародей встал на пути державных свершений. Много веков назад мир задышался в кольцах Змея Сета, как задыхается несчастная жертва, удушаемая питомом. И я всю жизнь бился против него — а мой век был втрое длиннее, чем у обычных людей. И я загнал-таки его во мрак таинственного Юга, и лишь в Стигии люди, как встарь, поклоняются тому, кого мы называем Великим Врагом. А я, дравшийся прежде с Сетом, поныне не даю спуска его посланцам, ученикам, поклонникам и клеветам... Дай мне твой меч!

По-прежнему мало что понимая, Конан тем не менее повиновался. И там, где широкое лезвие соединялось с тяжелой серебряной рукоятью, костлявый старческий палец начертал символ, вспыхнувший в потемках белым огнем. Тотчас пропали и старец, и подземный зал, и гробница...

СОДЕРЖАНИЕ

Феникс на мече	3
I	4
II	9
III.....	13
IV	17
V	20
Королева Черного побережья	31
1. Конан присоединяется к пиратам	32
2. Черный лотос	42
3. Ужас джунглей	51
4. Нападение с неба	57
5. Погребальный костер	62
Люди Черного Круга	65
1. Смерть короля.....	66
2. Варвар с гор.....	70
3. Хемса прибегает к чародейству	77
4. Встреча на перевале	82
5. Черный жеребец	87
6. Гора Черных Колдунов	95
7. По дороге на Имш	104
8. Жазмина безумно испугана.....	110
9. Замок чернокнижников	115
10. Конан и Жазмина.....	129

Час Дракона	137
1. Спящий, пробудись!	138
2. Дуновение тьмы	147
3. И содрогнулись утесы...	155
4. «Из какой бездны ты выполз?»	163
5. Ужас подземелий	171
6. Удар кинжала	179
7. Завеса раздвинулась	190
8. Угли гаснущего костра	202
9. «Это король! или его призрак!»	210
10. Монета из Ахерона	219
11. Рыцари юга	229
12. Клык дракона	237
13. Тень из прошлого	248
14. Черная ладонь Сета	255
15. Возвращение корсара	262
16. Город черных стен — Кеми	267
17. «Он убил священного сына Сета!»	271
18. «Я — женщина, не знавшая смерти...»	277
19. В зале мертвых	284
20. И восстанет Ахерон из праха	290
21. Барабаны в тумане	298
22. Дорога в Ахерон	310
...И родится ведьма	321
1. Кровавый полумесяц	322
2. Дерево смерти	330
3. Письмо в Немедию	340
4. Волки пустыни	349
5. Голос из кристалла	354
6. Хищные крылья	360
Людоеды Замбулы	369
1. Барабаны в ночи	370
2. Прячущиеся в ночи	377
3. Хватка черных рук	389
4. Удар сквозь завесу	394

Литературно-художественное издание

16+

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

КОНАН-ВАРВАР.

Час Дракона

Роман, рассказы и повести

Ответственный редактор *А. Васько*

Технический редактор *Г. Логвинова*

Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70х100/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс»

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150

Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 03.2022

Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,

Филиал «Дом печати – ВЯТКА»

Юридический адрес: 115054, Россия,

г. Москва, ул. Валовая, д. 28

Фактический адрес: 610033, Россия, Кировская область,

г. Киров, ул. Московская, д. 122